

ГЕОРГИЙ ★
СВИРИДОВ

**МЫ ЕЩЕ
ВЕРНЕМСЯ
В КРЫМ**

МОСКВА
2023

ЯУЗА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художник — *Игорь Варавин*

Свиридов, Георгий Иванович.

С24 Мы еще вернемся в Крым / Георгий Свиридов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2023. — 352 с. — (Сражались за Родину).

ISBN 978-5-04-185695-3

Конец 1941 г. Советское командование пытается спасти Севастополь. На помощь защитникам Крыма отправлена небольшая спецгруппа из разведуправления Черноморского флота под командованием Вадима Сереброва. Задача группы — совершать диверсии и обеспечить проведение десантной операции в районе Феодосии. Среди десантников чемпион Черноморского флота по боксу Алексей Громов.

Вслед за успешной высадкой группа захватывает генерал-лейтенанта Гюнтера фон Штейнгарта, несет первые потери и отправляет пленного в Новороссийск, а дальше... все идет не по сценарию. Керченский полуостров освобожден в ходе десанта, но положение в Севастополе не улучшилось, и вскоре Алексей Громов оказывается в осажденном городе и принимает участие в последних боях за твердыню.

В своем романе известный советский боксер и российский писатель Георгий Свиридов рассказывает трагическую историю последних защитников Севастополя, оставшихся без командования, боеприпасов и помощи...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185695-3

© Свиридов Г.И., наследники, 2023
© ООО «Издательство Эксмо», 2023
© ООО «Издательство Яуза», 2023

Глава первая

В блиндаже было светло. Под потолком висел немецкий фонарь «летучая мышь». На стене весело тикали русские часы-ходики, гирька на цепи из будущего вытягивала время наступающего дня, последнего дня тяжелого 1941 года.

Вадим Серебров в который раз прошелся по блиндажу. Все складывается совсем не так, как недавно планировали в Главном разведывательном управлении флота и к чему готовились и упорно тренировались. Он так и этак прикидывал в своем уме, но при любом раскладе выходило в итоге одно — реальное выполнение задания превращается в нереальность.

Кончалась долгая ночь зимы, и приближалось время начала десанта в порт, начала штурма Феодосии. А они еще торчат здесь, в поселке Каранель, и пока неизвестно, когда и на чем смогут добраться до города. Пешим ходом уже им не удастся быстро одолеть эти десять километров. Даже если будут бежать, как на кроссе, с полной выкладкой. А там все только и начнется. Штаб брать — это одно дело, а вот где в городе того важного немца искать — это уже другое... А взять его надо обязательно! Носом рой землю, сказал на прощание начальник разведки флота, а этого самого Гюнтера, да еще фон Штейнгарта, разыщи и доставь! Вадим грустно усмехнулся. «Мы тут околачиваемся в блиндаже, дергаемся, а он, граф немецкий, сейчас наверняка где-то в Феодосии весело гуляет с девками и музыкой». Вадим мысленно чертыхнулся.

Все идет не так, как задумывалось и планировалось в Новороссийске, в штабе разведывательного управле-

ния Черноморского флота. Все не так! С самого начала, с подхода подводной лодки к Феодосии.

Высадку спецгруппы разведчиков планировали в районе каменистого пляжа, между красивой дачей Сытина, построенной в виде восточной крепости, и великолепным дворцом бывшего табачного магната Стамболи. В этом районе города много садов, и это дает возможность скрытно продвигаться к центру города. Но командир подводной лодки Николай Балкин развернул перед Серебровым карту, судя по которой весь этот прибрежный район утыкан немецкими минами. Другая карта показала, что дно в этих местах было густо усыпано нашими минами еще осенью, до прихода гитлеровцев в Крым. Был поспешно создан оборонительный пояс на случай высадки вражеского десанта с моря.

Пришлось согласиться с доводами капитана. Не загонять же подводную лодку на минные поля! Высадились на диком открытом пляже у поселка Каранель. От поселка до Феодосии добрый десяток километров. А часики тикают, и до начала штурма города, до высадки морского десанта остается не так уж много времени.

Его здравый ум подсказывал, что он, Вадим, зря потратил драгоценное время на покорение ненужного им немецкого блиндажа. Нужно было обойти его стороной и своим ходом двигаться по намеченному маршруту. А они так по-глупому вляпались, наивно поверив гидрографам, что удастся завладеть немецкой машиной.

С гидрографами — лейтенантом Усманом Зариповым и старшиной Петровым — разведгруппа случайно встретилась на берегу. Они высадились из другой подводной лодки и установили на берегу светящийся маячок, который будет служить ориентиром для боевых кораблей при входе в Феодосийский залив. Гидрографы и сказали, что за блиндажом у немцев машина. Совместно овладели блиндажом, а дальше что? Как стояла, так и стоит та машина. И ни с места. Просто

мотор не заводится. Ну, никак не хочет заводиться! И воду залили в радиатор, и бензина нашли полканистры. А машина ни в какую, даже ни разу не фыркнула, не чихнула.

Гидрограф Петров остался у машины и кумекал с мотором.

«Я эту немецкую заразу, — сказал он со злостью, — заставлю на коммунизм работать!»

Вадим в который раз перешагнул через крупную ракушку, что валялась на деревянном полу. Обычная ракушка, черноморская, величиной с кулак.

Думая о своем, Вадим невольно обратил внимание, что блиндаж сделан добротнo и просторно. Основательно врыт в землю. Стены, потолок, пол из оструганных досок. Вдоль стены вместительные полки, на которых все аккуратно расставлено. Полевой телефон. Вадим, скользнув взглядом по телефону, мысленно укорил себя за неосмотрительность, что заблаговременно не перерезали провод. В углу широкий топчан. Вешалка с верхней одеждой — плащами и шинелями. Железная печь. Стол крепкий. Две амбразуры в сторону моря. Крупнокалиберный пулемет и коробка патронов. Два выхода: один к окопам, другой в тыл. Приличная огневая точка на побережье, ничего не скажешь. Монотонно тикают на стене ходики, которые тут кажутся совсем неуместными. Старательно отсчитывают время. А его остается все меньше и меньше.

Артавкин покрутил ручку патефона, установил черный круг пластинки.

— Концерт продолжается, — сказал он. — Танго! Дамы приглашают кавалеров!

Пластинка, заигранная донельзя, сначала зашипела, потом сквозь шипение пробился знакомый баритон знаменитого певца:

*И ночами снятся мне недаром
Холодок оставленной скамьи,
Тронутые ласковым загаром
Руки обнаженные твои.*

Юрченко трудился у стола, покачиваясь в такт музыке. Немецким тесаком вскрывал консервы, резал крупными кусками хлеб, колбасу и сало. Гидрограф Усман Зарипов вынул из картонной коробки две бутылки — темную пузатую и плоскую светлую. Повертел их в руках, прочел этикетки.

— Друзья-товарищи, что будем пить? Немецкий шнапс или французский коньяк?

— А ты обе откупоривай, не прогадаешь! И мы дегустацию устроим, — предложил Алексей Громов, разбирая немецкие бумаги и журналы.

— Слушай, моряк, а ты, случайно, не из Феодосии? — спросил Усман.

— Из Феодосии. А что?

— Лицо твое мне показалось знакомым. Думаю, где тебя мог встречать? И вспомнил! Ты боксер, верно?

— Ну, боксер.

— На стадионе тебя видел, вот где! Здесь, в Феодосии. Года четыре назад. Был праздник на стадионе, и были соревнования по боксу. И ты там боксировал?

— Да, провел три боя, — сказал Алексей.

— Ты тогда здорово победил парня из Старого Крыма, помнишь?

— Ну, было такое дело.

— Так то был мой двоюродный брат Коля, а по-татарски Керим. Он сильно переживал, что победу тебе присудили. Но мы видели, хотя и болели за Керима, что ты был лучше и два раза его на пол послал.

— Он неплохо боксировал, особенно в первых двух раундах, пока на правый прямой не попался. Крепкий парень!

— Не знаю, жив ли он сейчас? А я тогда футболом увлекался, в сборной города выступал. Левым крайним в нападении. Я ведь левша и с левой ноги здорово бил! Мы тогда феодосийскую команду разделили подчистую!

Усман, не выпуская из рук бутылок, стал двигаться по блиндажу, как бы танцуя танго. Ему под ноги попала морская ракушка. Носком сапога он чуть пододви-

нул ее и, вспоминая свои удары по мячу на стадионе, лихо, со всего маху, своей левой футбольнул ракушку. Стремительной пулей она пролетела через блиндаж и угодила в темноту под широкий топчан.

И тут произошло невероятное. Из-под топчана раздался приглушенный человеческий вскрик:

— Ой-ой!

На мгновение в блиндаже наступила пауза. Лишь на какое-то мгновение. Замерли, прислушиваясь. Разведчики переглянулись между собой. Потянулись к оружию. Первым пришел в себя и отреагировал Сагитт, по прозвищу Пограничник, он служил на заставе. Он только вошел в блиндаж и смотрел, как Усман танцует. Сагитт, не мешкая, вскинул автомат и дал короткую очередь. Резко запахло пороховой гарью.

— Ай! Ай! Стреляйт нет! Стреляйт нет! Гитлер капут!

Из-под топчана выполз дрожащий немец. Встал на ноги с поднятыми руками. Невысокий ростом, рыжие волосы и темное, обветренное, слегка сплюснутое с боков узкое лицо. Губы подрагивают. В блеклых глазах животный страх насмерть перепуганного зверька. Щека в крови. Ракушка попала ему в лицо под глазом.

— Стреляйт нет! Гитлер капут!

Артавкин, не ожидая приказа Сереброва, деловито обыскал немца. Оружия у него не было. Вынул из карманов и положил на стол документы, потертую солдатскую книжку, тощую пачку немецких марок, связку ключей, начатую пачку сигарет.

— Вроде все...

Серебров, взглянув на документы и полистав солдатскую книжку, передал их Громову:

— Разберись. — И добавил: — А сейчас переводы мои вопросы. Но сначала предупреди немца, чтобы говорил только правду, если хочет жить, а не то тут же расстреляем.

Громов перевел предупреждение. Немец, услышав родную речь, подобострастно и заискивающе заулыбался и обрадованно закивал головой:

— Йа, йа! Да, да, герр партизанен!..

— Мы не партизаны, — строго оборвал его Серебров и сказал Алексею: — Переведи ему, что мы военные моряки.

Услышав это, немец оторопело, с нескрываемым удивлением, переводил взгляд с одного моряка на другого. Быстро залопотал. Из его слов стало ясно, что солдаты его полка слышали от офицеров, что за Феодосией в горах действуют русские партизаны, их опасаются, а моряки страшнее партизан. Их немцы называют «полосатыми дьяволами», поскольку они бесшабашно храбрые и грозные в бою. Об этом говорят все, кто уже побывал под Севастополем и прибыл в Феодосию, в глубокий тыл, на краткий отдых.

— Севастополь! Гут! Рус! Карош!

Допрос был кратким. Серебров задавал вопросы, Громов переводил их. Немец отвечал, Громов переводил. В записном блокноте Старков записывал ответы. Зовут Фриц, фамилия Мюллер. Родом из Баварии. Звание — ефрейтор. 25 лет. Далее рота, полк, дивизия.

Алексей вспомнил, как полчаса назад из блиндажа выходил пьяный немецкий офицер, которого Сагитт завалил, и искал какого-то Фрица.

— Это тебя искал обер-лейтенант?

— Герман Герлиц?

— Да! — сказал Громов.

— Меня он искал.

— Зачем ты был ему нужен? — задал очередной вопрос Серебров.

Он смотрел на Фрица, мысленно решая задачу, которая свалилась ему на голову: а что делать с пленным? Куда деть? Не тащить же с собой? Расстрелять? Ему еще ни разу не приходилось за месяцы войны ни расстреливать, ни отдавать приказ о расстреле. В разных перделках пришлось побывать: отражал атаки, дважды был в крупной рукопашной схватке, когда сошлись лицом к лицу моряки с эсэсовцами, много раз ходил под Севастополем через линию фронта в тыл врага, при-

водил «языков», даже тащить их на себе приходилось. Еще час назад, когда брали блиндаж, не задумываясь и не сомневаясь, запросто бы прихлопнул и этого ефрейтора. Но угар боя прошел, напряжение ненависти спало. Перед ним стоял дрожавший от страха ефрейтор. Как быть сейчас? Что с ним делать?

— Обер-лейтенант искал меня, чтобы уехать в Феодосию, — поспешно ответил Фриц Мюллер.

— Зачем ему понадобилось уезжать?

— Обер-лейтенант завтра с утра должен быть в штабе. У него дежурство.

— А ты тут при чем?

— Без меня ему не добраться до Феодосии. Я же шофер.

— Шофер? — оживился Серебров.

— Да. При штабе корпуса, — ответил ефрейтор с некоторой гордостью.

— А машина твоя где?

— Машина моя здесь, рядом.

Это круто меняло дело. Значит, это его машину они пытались завести. Серебров сразу повеселел. Этот Фриц наверняка знает, почему машина капризничает. Надежда, которая не покидала Вадима, начинала обретать реальные физические черты. Они еще успеют! У него мгновенно созрел план действий. Немец нужен, он пригодится. Он привезет их прямо в штаб! Надо немедленно двигаться к Феодосии. Но вслух сказал:

— Ты плохой шофер.

— Почему плохой? — удивился ефрейтор. — У меня поощрения от самого командира штаба.

— У тебя машина неисправная. Она не заводится.

— Правильно! Без меня она никогда не заведется. Она у меня с секретом. Чтобы никто ею не мог пользоваться. Если желает командир русских моряков, я это ему покажу и сам заведу машину.

— Сейчас пойдем и проверим. — И Серебров приказал разведчикам: — Внимание, орлы! На сборы три минуты! Отчаливаем!

— Командир, а как же харчи? — не удержался и спросил Семен Юрченко. — Все готово! Неужто пропадать такому закусону?

— Время нас поджимает, — сказал твердо Серебров. — Забираем с собой! Пожует и в машине, не господа-аристократы.

— Не, в машине пить негоже, — сказал Артавкин, — хоть по глотку надо пропустить.

— По глотку можно, — подобрел Серебров.

В блиндаж ввалился Иван Петров. Лицо и руки перемазаны машинным маслом.

— Ну что я говорил? А? — обрадованно выпалил он. — Завелась, проклятенская! Работает, как часики! Немецкая зараза послужит теперь нашему коммунизму!

— Ты машину подогнал к блиндажу? — спросил Серебров.

— Ага, подогнал, — ответил Иван.

Увидев немца, он смолк, удивленно глядя на ефрейтора с окровавленным лицом.

— Этот еще откуда взялся? Мы ж вроде всех прикончили?

— Из-под лежака вытащили, — пояснил Юрченко и добавил с широким жестом: — Присоединяйся к столу!

Алексей Громов взял кусок хлеба, положил сверху кусок сала, прикрыл колбасой и этот увесистый бутерброд протянул Фрицу.

— На, поешь!

Тот не ожидал от русских такого доброго жеста. Он видел, как немецкие солдаты жестоко обращаются с пленными русскими солдатами, и, естественно, приготовился испытать подобное отношение к себе.

— Данке шон! Благодарю вас. — Фриц вцепился зубами в бутерброд.

— Рубай, пока дают!

Громов не испытывал сейчас к немцу той ненависти, которая еще недавно пылала в нем. Он видел перед собой человека в военной форме вражеской армии, насмерть испуганного и задавленного страхом.

Школа бокса, которую Алексей усвоил, выработала в нем простые строгие человеческие качества: жесткость и человечность. Жесткость на ринге, во время поединка — бой есть бой! — но без лютой ненависти к сопернику. А после боя человечность и порядочность к сопернику. И сейчас, на войне, несмотря на резко обостренное противостояние, когда перед тобой не соперник, а враг в полном смысле слова, когда победу определяют не спортивные судьи, а сам факт жестокого сражения до полного уничтожения, то сейчас, поостыв, Алексей не ощущал к Фрицу ненависти, скорее любопытство. Это был первый немец, враг, которого он видел не через прорезь прицела, а вблизи и без оружия, как пленного.

— По сто грамм законных фронтовых, как и положено, — сказал Усман, наполняя до краев стаканы из пузатой темной бутылки. — И за наш общий первый успех!

— За успех!

— И за победу!

Разведчики и гидрографы сдвинули стаканы, дружно выпили. Стали быстро закусывать.

— Заканчиваем и на выход! — приказал Серебров.

— А с фрицем как быть? — спросил Зарипов.

— Посадим за руль. Он до штаба повезет, — сказал Серебров и повторил: — На выход!

Раздался телефонный звонок. Разведчики примолкли, вопросительно посмотрели на Сереброва, как бы спрашивая его о том, как быть: брать трубку или не брать? А телефон продолжал звенеть, резко и властно.

Ввязываться в новую неопределенную ситуацию Вадиму Сереброву никак не хотелось. Достаточно того, что и так потеряли много времени на овладение блиндажом. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Машина есть, мотор завели, и шофер появился. Что им еще надо? Отваливай поскорее и дуй напрямую к штабу.

Но телефон настойчиво и требовательно звенел и звенел. Вадим мысленно чертыхнулся. Не взять трубку — значит невольно вызвать подозрение и даже тревогу там, в Феодосии, в штабе. Что звонили именно оттуда, Серебров не сомневался. Кому же еще, как не дежурному в штабе, придет в голову трезвонить по полевому телефону глубокой ночью? А если взять, то штабной дежурный по голосу догадается, что в блиндаже чужие люди, и поднимет тревогу. Как ни крути, а результат один.

Все эти мысли стремительно пронеслись в голове, и Серебров, поколебавшись, кивнул Громову:

— Послушай! — и добавил, кивнув на немца: — А этому рот заткните.

Юрченко и Артавкин отвели немца в угол и затолкали ему в рот кляп из свернутой пилотки.

Алексей снял трубку, приложил к уху.

— Але, Але! Слушаю! — по-немецки произнес он.

— Какого дьявола не берете трубку? — послышался властный гортанный голос. — Заснули там, что ли? Я вам покажу, как спать на посту!

— Мы тут... понимаете... на улице холодно... — плел несурязицу Алексей, внимательно прислушиваясь.

— Ты что там бормочешь? Это ты, Фриц Мюллер?

Алексей обрадовался такой удаче, что его принимают за Фрица.

— Да, да!..

— Пьяный, что ли?

— Ну, есть немножко...

— Только появись в штабе! Я тебе завтра утром яйца оторву и в твою пьяную глотку засуну! Понял, свиная рожа?

— Понял... Виноват!..

— Я с тебя три шкуры спущу, каналья! Немедленно позови обер-лейтенанта Германа Герлица!

— Германа Герлица? — переспросил Громов, вспоминая, как час назад вел «беседу» с этим немцем, отвлекая его внимание и давая возможность Сагитту

Курбанову незаметно приблизиться и прикончить обер-лейтенанта.

— Да, обер-лейтенанта! Живо!

— Его нет, он вышел.

— Я же ясно сказал тебе, пьяная твоя рожа, немедленно позови к телефону!

— Обер-лейтенант ушел в поселок и сказал, что явится утром, — придумал на ходу Громов.

— Куда ушел?

— В поселок. Сказал, что у него там есть хорошие знакомые.

— Хорошие знакомые или одна хорошенькая знакомая? — язвительно произнес дежурный по штабу.

— Мне неизвестно это!

— Болван! — Он смачно выругался последними словами и повысил тон. — Слушай меня внимательно, ефрейтор Фриц Мюллер!

— Весь внимание!

— Немедленно, повторяю, каналья, немедленно разыщи обер-лейтенанта! И передай ему приказ самого коменданта, чтобы был на береговом посту и глядел в оба глаза! Со стороны Керчи в Феодосию по шоссе движется штабная машина. Ты понял меня?

— Так точно! Со стороны Керчи по шоссе движется штабная машина.

— Верно, ефрейтор Фриц Мюллер.

— А какая машина? Легковая или грузовая? — робко спросил Алексей.

— Легковая, дубина! И намного лучше твоей! Как только она проследует мимо вашего поста, пусть обер-лейтенант сразу же по телефону сообщит в штаб, чтобы мы ее здесь встретили. Понял?

— Так точно! Как только машина проследует мимо поста, сразу же сообщить в штаб!

Положив трубку и крутанув ручку, дав отбой, Алексей Громов подробно пересказал Сереброву весь разговор с дежурным по штабу, что со стороны Керчи движется какая-то важная шикарная машина, и задал вопрос:

— Будем встречать?

Серебров потер ладонью подбородок. Как быть? Все подготовлено к поездке в Феодосию, а тут такое дело подваливает... Упускать не хочется. В Феодосию, конечно, надо спешить, а то поздно будет. До штурма города остались считанные часы. Но как в штабе, в Феодосии, у них дело завяжется, пока никому не известно. Расчет лишь на внезапность и одно везение. Впрочем, Вадим Серебров за эти месяцы войны уже научился простой военной мудрости — не размышлять о неприятностях, которые еще не произошли. А здесь прямо в руки удача сваливается. Стоит ли упускать? И вслух произнес то, что ждали разведчики:

— Будем брать!

— А с пленным как? — спросил Григорий Артавкин.

— Что как? Свя-зять! — по слогам произнес Серебров. — И пусть в блиндаже нас дожидается. А телефонный провод перерезать.

— Мы с вами, — сказал Усман Зарипов.

— Спасибо! — ответил Серебров. — А я как раз об этом хотел вас попросить, поскольку приказывать не могу.

Море штормило, с огромной силой швыряя волны на берег. Брызги перелетали через проволочное ограждение, падали на дорогу, тускло блестящую в туманной темноте зимней ночи. Ветер свирепел. Мокрая снежная пурга усилилась: она летела навстречу, прямо в лицо, слепила глаза, забивала дыхание, старалась свалить с ног. Пронизанная насквозь морской соленой влагой, морозно-холодная, она пробирала до самых костей, выдувая тепло из человеческого тела.

— Ишь, как расходился штормяга! — сказал Алексей Громов, поднимая воротник немецкого плаща.

— Баллов семь, не меньше, — определил Артавкин, тоже натянувший немецкий плащ поверх бушлата.

— А может, и больше, — сказал Иван Петров, нахлобучивая шапку на самые глаза.

До рассвета было еще далеко. Зимняя ночь властвовала в полную свою силу. Море гудело и грохотало.

ло ударами волн о берег. Тучи тяжелые, как мокрые одеяла, висели низко над морем и над землей, закрывая звезды, и лишь в крохотные разрывы сквозь серую густоту обозначалось светлым пятном место, где пряталась луна.

Серебров расставил своих людей на огневые позиции вдоль шоссе и определил каждому его задачу в общем плане по захвату штабной машины. Алексею достались водитель и охранник на переднем сиденье, а если машина не остановится, то и задние колеса.

— Пали по скатам, — напутствовал его Серебров, — по резине.

Ждать пришлось недолго, но за эти короткие минуты томительного ожидания Алексей продрог. «Хорошо еще, что догадался плащи немецкие взять, а то б давно промок насквозь», — подумал Алексей, всматриваясь вдаль, в тускло поблескивавшую от влаги ленту дороги.

Оттуда, издалека, сквозь шум моря и ветра, донесся протяжный переливный свист. То подавал сигнал высланный вперед Сагитт Курбанов.

— Встречаем машину, — сказал Иван Петров, передегивая затвор немецкого автомата.

Из-за близкого пригорка показалось светлое пятно, которое быстро увеличивалось и нарастало. А вскоре автомобильные фары, словно два огненных глаза, выскочили из-за пригорка, стали стремительно приближаться, и в их свете было видно, как перед машиной кружили и клубились снежные вихри.

Алексей Громов привычно вскинул автомат. «Едут, гады, как у себя в Германии, даже без светомаскировки», — со злой неприязнью подумал он. Присмотревшись, Громов увидел, что позади длинной легковой машины, как за широкой спиной, укрываясь от встречного ветра, катила охрана — пятерка мотоциклистов. Это усложняло дело. Все оказалось рискованнее и опаснее.

Серебров тоже увидел мотоциклистов и понял, что ситуация обострилась и только внезапность и стремительные действия могут привести к успеху. От охраны исходила главная опасность. В план, который

он загодя продумал и заранее наметил, надо вносить изменения.

— Всем внимание! — крикнул Старков и добавил морской и привычной терминологией: — Вариант два! Гранаты товсь!

Дальнейшие события произошли быстро, в считанные секунды. Бой был скоротечным. Едва машина с мотоциклистами поравнялась с засадой, как под колеса и в охрану полетели гранаты. И одновременно с гулко ухнувшими взрывами затрещали автоматы.

Граната, пущенная Серебровым метко и расчетливо, угодила под передние колеса лимузина и взорвалась под мотором. Длинная черная машина неестественно дернулась, словно внезапно напоролась на невидимую стену, чуть подпрыгнула, вздыбилась передком, подброшенная силой взрыва, плюхнулась на землю своим железным брюхом уже без передних колес, со скрежетом развернулась поперек дороги и завалилась набок.

Две другие гранаты разорвались позади машины. Одна угодила в гущу мотоциклистов и разметала их в разные стороны дороги. Вслед за взрывами торопливо загревели автоматные выстрелы, точным и секущим огнем поражая наповал и охрану, и тех, кто находился в машине.

Не прошло и минуты, как все было кончено. Погасли фары, прекратились всплески огня из стволов автоматов. Навалилась темнота ночи. Лишь море гулко грохотало, бросая волны на берег, да ветер порывисто швырял охапками мокрый холодный снег на поселок, на дорогу, на завалившуюся машину, на бездыханных охранников-мотоциклистов и остужал радостно разгоряченные лица разведчиков.

Алексей Громов, сжимая автомат, ладонями чувствовал приятное тепло, которое исходило от разогретого стрельбой оружия. Чуть в стороне стояли Иван Петров и Усман Зарипов с наведенными на машину автоматами.

Серебров дал условный знак, и Юрченко с Артавкиным, пригибаясь, держа автоматы на изготовку, с двух

сторон приблизились к темной штабной машине. В ней не было слышно ни звука. Юрченко распахнул переднюю дверцу, и ему под ноги вывалилось тело убитого. Тускло сверкнули на шинели офицерские погоны. Из машины пахнуло теплом, запахом крови и спиртным перегаром. Шофер уткнулся окровавленной головой в разбитое переднее стекло.

Артавкин рывком раскрыл заднюю дверцу машины. На кожаном мягком кресле кто-то лежал в шинели скрючившись, головой к противоположной дверце. То ли живой, то ли мертвый. Григорий дважды резко ткнул его дулом автомата. Немец глухо ойкнул от боли. Живой! Артавкин отступил и вскинул автомат.

— Хенде хох! Руки вверх!

Немец не шевелился. Подскочил Юрченко, сорвал у него с пояса кобуру с пистолетом и выволок из автомашины. Тот встал на ноги и послушно задрал кверху обе руки. От немца несло перегаром.

— Пьяный, гад! — выругался Юрченко.

На плечах добротной шинели тускло светились витые генеральские погоны. Юрченко быстро обыскал немца. Вынул из бокового кармана маленький «браунинг».

— Командир, один живой! — крикнул Артавкин. — Генерал!

Новость обрадовала Серебров. Захватить живого генерала далеко не так просто, и Вадим не помнит, чтобы кому-то из разведчиков флота удавалось доставлять такого знатного и ценного «языка». Хотя что-то важное группа сделала в тылу!

Он поспешил к машине. Включил свой фонарик, направил пучок света в лицо немца и замер. Серебров смотрел и верил и не верил своим глазам. Перед ним был человек, лицо которого он еще совсем недавно старательно изучал и запоминал по фотографиям в штабе разведывательного управления флота. Среднего роста... Лицо полное, но некруглое... Нос прямой, под носом маленькие усики, как у Гитлера. Массивный тяжелый подбородок... Неужели это он? Тот самый,

ради захвата которого и высадились на Керченском полуострове? Не может быть!.. Неужели им так просто и легко удалось его заарканить?

— Вильгельм Гюнтер фон Штейнгатт? — спросил Серебров, придавая голосу твердость и властность.

Генерал, услышав свои имя и фамилию, вскинул голову и оторопело уставился взглядом в русского. Хмель мгновенно улетучился из него. Что это были русские, он не сомневался. Нисколько не сомневался! Предчувствия не обманули его. Случилось то, чего он так опасался. Еще там, под Керчью, в штабе корпуса, когда генерал фон Шпонек получил известие, что русские десантники ворвались в пригород Керчи, генерал-лейтенант Гюнтер фон Штейнгатт почувствовал опасность. И поспешил убраться из опасной зоны, поскорее уехать в тыловую и уютную Феодосию. И на тебе! Избежал опасности! Поторопился себе на горе. Поспешил, чтобы попасться русским прямо в руки.

— Вильгельм Гюнтер фон Штейнгатт? — повторил вопрос Серебров.

На него были направлены дула трех автоматов. Отпираться бессмысленно. Его узнали. Значит, охотились русские разведчики именно за его персоной... И еще одно важное открытие, которое он сделал в эти секунды: в штабе корпуса есть предатель. Тайный агент! Он успел сообщить русским о его отъезде. Иначе откуда они могли знать и поджидать его именно на этой дороге?

— Да, я есть Гюнтер фон Штейнгатт, — выдавил он из себя признание.

Серебров кивнул. Он получил подтверждение из уст самого генерала. Но внешне ни один мускул не дрогнул на его обветренном лице, словно ему часто приходилось брать в плен генералов. А в душе он ликовал! Надо же, как здорово подфартило!

— Громов, сюда! — повелел Серебров.

Алексей и без приказа уже подходил к пленному генералу.

— Переведи генералу, что мы — русские разведчики! Советуем ему вести себя благоразумно! Если генерал будет благоразумен, то мы гарантируем ему, что он останется в живых!

Алексей Громов перевел генералу слова Серебров. Гюнтер фон Штейнгарт понимающе закивал:

— Йа, йа! Да, да! Он на все согласен!

Ветер распахивал полы добротной шинели на меху, швырял в лицо мокрый снег, и по одеревеневшему от страха лицу генерала скатывались то ли растаявшие снежинки, то ли горькие слезы обиды и глубокой печали.

— Переведи ему, что он может опустить руки, — сказал Серебров.

Алексей Громов перевел, и генерал, одобрительно кивнув, послушно опустил руки.

— Артавкин, обыскать машину! — велел Серебров.

Григорий вскрыл багажник — из него приятно пахло копченой рыбой. Моряк извлек из багажника увесистую картонную коробку с копченой рыбой, аккуратно завернутые в бумагу два осетра и севрюгу. Потом обследовал заднее сиденье и вытащил пухлый кожаный портфель.

Увидев свой портфель, генерал чуть не застонал. Ну зачем он возил с собой секретные документы?! Почему не послушался доброго совета подполковника фон Альфена, разбитного коменданта Феодосии, предлагавшего оставить их, особенно зеленую папку с грифом «Совершенно секретно», надежно заперев в стальном сейфе, а ключи взять с собой?

— Командир, портфеляга с документами! — доложил Артавкин.

— Передай Громову, пусть разберется! — велел Серебров. — Отходим в блиндаж!

И тут внезапно произошло то, чего никто не предполагал и даже не мог себе вообразить. Со стороны блиндажа на фоне темно-серого неба вырос четкий черный силуэт немецкого солдата с автоматом в руках. Раздался громкий властный окрик:

— Руки вверх! Хенде хох!

И воздух резанула автоматная очередь.

Гидрограф Усман Зарипов, который находился ближе других к этому внезапно появившемуся немцу, удивленно вскрикнул и, выпуская из рук оружие, плашмя повалился на землю. Тут же, согнувшись пополам, схватившись руками за грудь, беззвучно упал и Семен Юрченко.

— Ложись! — автоматически выкрикнул команду Серебров.

Алексей Громов одним прыжком очутился рядом с генералом. Алексей цепко ухватился за его шинель, привычно сделал подсечку и повалил плотного немца на мокрую мерзлую землю. А сам навалился сверху, своим телом прикрывая и спасая его.

Генерал забился в крепких руках Громова, пытаясь одолеть, освободиться и отчаянно, с хрипотой в голосе, заорал по-немецки:

— Спасайте меня! Спасайте! Я — немецкий генерал! Получите большую награду!

Заглушая крик немецкого генерала, справа от дороги прозвучала короткой вспышкой автоматная очередь. То подоспел Сагитт Курбанов. Пограничник стрелял без промаха.

Раздался приглушенный вскрик, и тот, кто еще секунду назад грозил смертью, сам повалился навзничь. Но и в лежачего, уже не живого, немца Артавкин и Петров всадили из автоматов длинные очереди.

Больше немцев не было. В наступившей тишине слышались лишь отчаянный крик генерала, который все еще пытался высвободиться из железных объятий Громова, да монотонный грохот волн и свист ветра.

Артавкин, с автоматом на изготовку, пригнувшись, короткими перебежками приблизился к заваленному врагу. Перевернул его, узнал в нем пленного ефрейтора:

— Гад! Наш пленный! Фриц! Как же он выпутался?